

Л. А. Дашкевич

«ЭТА НЕСЧАСТНАЯ ПРОКЛЯТАЯ ВОЙНА...» (ЗАПИСКИ БЕЛОГО ОФИЦЕРА)¹

Автор приведенных ниже записок² — Иннокентий Александрович Молчанов (1884–1945), доктор геолого-минералогических наук, профессор, один из основателей кафедры геологии и разведки месторождений полезных ископаемых Томского политехнического института, автор 83 научных работ, руководитель многих геологических экспедиций. Биография ученого и педагога хорошо известна, она описана в электронной энциклопедии Томского политехнического университета, нескольких статьях [1; 2; 3], краеведческий музей города Кяхты посвятил деятельности Молчанова специальный стенд.

Молчат биографисты только о самом страшном времени в жизни Иннокентия Александровича — Гражданской войне. В электронной энциклопедии Томского политехнического университета этому периоду отведено лишь несколько строк: «Во время гражданской войны был мобилизован в колчаковскую армию, впоследствии перешел на сторону Красной армии».³ На деле, судя по публикуемым ниже запискам и письмам родственников И. А. Молчанова, факт его перехода в ряды Красной армии был, скорее всего, случайным событием. Во время отступления белых в Сибирь Иннокентию Молчанову поручили руководство одним из эвакуировавшихся эшелонов. На станции Зима эшелон был разграблен чешскими солдатами, и офицеру пришлось догонять свой батальон на попутных поездах. Недалеко от Иркутска, занятого Красной армией, Иннокентий Александрович Молчанов, вместе со своими племянниками Юрием Романовичем Лариковым и Николаем Владимировичем Молчановым, присоединился к Воткинской дивизии, которая на подводах двинулась мимо захваченного противником города по берегам Иркут и Ангары и байкальскому льду. Во время этого перехода И. А. Молчанов попал в плен. Вот что позднее сообщил об

¹ Е. Ю. Рукосуев был знаком с этим документом и хотел принять участие в его публикации, но, к сожалению, не успел...

² Благодарим Инну Оровну Собенникову за передачу нам сканированных копий записки Н. А. Молчанова и права публикации этого документа.

³ Электронная энциклопедия Томского политехнического университета. URL: wiki.tpu.ru/wiki/Молчанов_Иннокентий_Александрович (дата обращения 01.03.2018).

этом эпизоде Юрий Романович Лариков в своем письме к Алексею Павловичу Корецкому: «Когда Кеша был захвачен красными, мы (т. е. остаток Воткинской дивизии) были размещены в маленьком селе Бирка, находящемся на востоке от Борзя. Это был спокойный период, в течение которого ни мы, ни красные не делали каких-либо передвижений. Наш командир, до некоторой степени глупый юнец-полковник фон Вах приказал Кеше сделать несколько набросков местности “no-mans land” (страны отсутствия людей). Кеша пригласил меня присоединиться к его отряду, но я был в этот день на дежурстве и не мог пойти. Так он взял двух всадников из нашей Кавалерийской дивизии и ушел рано утром. Все трое исчезли без следа. Как я обнаружил много позже, Кеша, он, как ты знаешь, был глухой, сидел спокойно на маленьком холме, делая свои наброски, а оба солдата спали около него. Красный патруль их нашел и взял без единого выстрела. Если бы я мог там присутствовать, и была бы, вероятно, маленькая перестрелка, которую, возможно, мы выиграли бы, потому что мы оба (Кеша и я), были хорошими стрелками». Из этого же письма ясно, почему И. А. Молчанов остался в живых: «Он был близок к расстрелу на месте, но спасен красным командиром, который оказался Кешиним одноклассником».¹

Неясно, когда И. А. Молчанов составлял свои записки. Судя по воспоминаниям семьи, писались они ежедневно в годы Гражданской войны и предназначались для передачи супруге Иннокентия Александровича Елизавете Николаевне. Объемный труд офицер разделил на несколько частей и отдал их разным людям. До адресата, однако, записки не дошли. Сохранилась лишь одна часть документа, которая оказалась у Юрия Романовича Ларикова. Тому удалось эмигрировать после войны в Харбин, а затем на Тайвань, где он и умер в 1989 г. Незадолго до смерти Ю. Р. Лариков, пытаясь сохранить память о прошлом И. А. Молчанова, отправил его записки своему родственнику Алексею Павловичу Корецкому в Сан-Франциско. Вот строки из письма Ларикова к Корецкому: «Я послал тебе часть дневника И. А. Молчанова, младшего брата Кланиного отца — Никона. После моей смерти это не будет вызывать интереса ни для кого здесь, но может иметь какую-нибудь ценность, как память

¹ Копия письма хранится в частной коллекции Инны Оровны Собенниковой.

для Вашей семьи».¹ В 1990 г. А. П. Корецкий передал машинописную копию записки в Москву, дочери Иннокентия Александровича Азелле. От нее записки перешли к Инне Оровне Собенниковой. С разрешения Инны Оровны документ публикуется впервые. Заголовки взяты из документа. При публикации полностью сохранены его орфография и пунктуация, а также авторский стиль изложения.

Список литературы

1. Профессора Томского политехнического университета: биографический справочник. – Т. 2. – Томск: Изд-во науч.-техн. лит-ры, 2001. – 216 с.
2. Столетие горно-геологического образования в Сибири / Ред.-сост. В. В. Кривошеев. – Томск: Водолей, 2001. – 704 с.
3. Электронная энциклопедия Томского политехнического университета. URL: wiki.tpu.ru/wiki/Молчанов_Иннокентий_Александрович (дата обращения 01.03.2018).

Из дневника И. А. Молчанова²

ВЫЕЗД ИЗ КРАСНОЯРСКА

После кровавых столкновений на Урале и оставления нами Екатеринбургa, когда вся тяжесть арьергардной железнодорожной службы выпала на долю 4-го Сибирского железнодорожного батальона, и он потерпел крупные

¹ Копия письма хранится в семейной коллекции Инны Оровны Собенниковой.

² Молчанов Иннокентий Александрович родился в 1884 г. в семье богатого кяхтинского купца Александра Аверьяновича Молчанова и его жены Агнии Андреевны. Получил хорошее техническое образование. После окончания реального училища побывал в Германии, Италии, Франции, Австрии, в 1903 г. поступил на обучение во Фрайбергскую горную академию. В 1904 г. вернулся в Сибирь и поступил на горное отделение Томского технологического института, где, как и многие другие студенты, увлекся социалистическими идеями. Вступил в Томскую организацию РСДРП, где работал вместе с С. М. Кировым. В 1906 г. был арестован и, после тюремного заключения, выслан на жительство в Кяхту. В 1907–1909 гг. работал геодезистом, участвовал в геологоразведочной экспедиции в Монголию. За публикацию научных статей о геологическом строении северо-западных районов Монголии был избран действительным членом Русского географического общества. При содействии вице-президента РГО В. П. Семенова-Тянь-Шанского получил право продолжить учебу в Томском технологическом институте. В 1916 г. получил диплом инженера-технолога. Был призван в армию и направлен в Ижорскую военную школу, затем — в запасной саперный батальон в Петроград. Участвовал в событиях Февральской революции в Петрограде. Осенью 1917 г. И. А. Молчанов вернулся в Сибирь. Во время Гражданской войны был мобилизован в армию Колчака, в 1920 г. пленен красными. После окончания Гражданской войны И. А. Молчанов выполнял обязанности главного инженера на угольных копях в Читинской области. В 1924 г. работал в Томске в Сибирском отделении Геологического комитета, затем перешел на преподавательскую работу в Политехнический институт. За большие заслуги в развитии геологической науки ему была присуждена степень доктора геолого-минералогических наук и звание профессора. В 1944 г. награжден орденом Трудового Красного Знамени. Жизнь И. А. Молчанова оборвалась летом 1945 г. из-за несчастного случая (по сведениям семьи, он погиб на железной дороге, был сбит поездом).

потери, последний был выведен на отдых и пополнение в Красноярск, где и оставался до начала октября минувшего года. 8-го октября было получено распоряжение срочно выступить для эвакуации г[орода] Омска. Все эшелоны: 1) штаба, 2) службы пути, 3) тяги, 4) движения и телеграфа были двинуты туда, за исключением двух: 1) подвижных мастерских и 2) базы, которые впредь до распоряжения были оставлены на ст[анции] Красноярск. С последним, в качестве помощника начальника эшелона, остался и я.

В этот период я получил кратковременный отпуск в Томск и успел съездить повидаться в последний раз со своими, т[ак] к[ак] было ясно для всех, что раньше Иркутска или Байкала натиска красных нам сдержать не удастся.¹ т. е. 24-го ноября, получив депешу срочно возвратиться к месту службы, т[ак] к[ак] нач[альник] эшелона шт[абс]-кап[итан] П.² вызывается в штаб батальона. Целых восемь суток потребовалось для того, чтобы добраться от Томска до Красноярска. Движение по линии было почти парализовано самоуправством чехов, отбравших паровозы и задерживавших все не принадлежавшие им эшелоны. Когда я прибыл в Красноярск, шт[абс]-кап[итан] П. там уже не было и мне пришлось принять на себя начальство над эшелоном. Эшелон этот, представлявший главную кладовую батальона, был гружен различным железнодорожным имуществом, различными инструментами, приспособлениями, необходимыми при исправлении мостов, материалами, представлявшими в общем громадную ценность. Кроме того, в состав эшелона входил вагон с 70-ю пудами динамита, цистерна с керосином и два вагона с моторным топливом и проч[ее]. Для охраны всего этого имущества в моем распоряжении было всего 15 человек солдат.

Вскоре получилось приказание двинуть наши стоявшие на ст[анции] Красноярск поезда в Верхнеудинск. Но мы дошли только до ст[анции] Зима, где и были задержаны чешским командованием вследствие забитости ст[анции] Иннокентьевской и невозможности пропустить их через Иркутск.

Ответственны и неприятны обязанности нач[альника] эшелона, когда правильное движение по линии нарушено, станции забиты и железнодорожные служащие переутомлены и при том, когда в одном поезде у вас находятся и динамит, и огнеопасные вещества, вроде керосина и моторного топлива, а остальных восемьдесят с лишком осей перегружены тяжелым железнодорожным имуществом, вроде рельс, болтов, накладок и т[ому] п[одобными] материалами и приспособлениями для исправления мостов, как-то: свай, лебёдок, домкратов, тросов, цемента и прочего не менее тяжелого и громоздкого имущества.

Накануне ухода из Красноярска я целую ночь не спал, т[ак] к[ак] необходимо было добиться и настоять на производстве манёвров с поездом, чтобы

¹ Никон Александрович Молчанов — родной брат Иннокентия Александровича Молчанова.

² Так в документе, полное имя установить не удалось.

разделить вагоны с динамитом, керосином и моторным топливом как между собой, так равно и изолировать их от людских вагонов, дабы предотвратить по возможности крупное несчастье в случае столкновения поездов или возникновения пожара. Тогда всем ещё был памятен случай, имевший место в июле 19-го года на Томской дороге, когда беженский поезд врезался в хвост санитарного, где находились вагоны со спиртом. Благодаря далеко разбрызнувшемуся спирту, вспыхнувшему от паровоза, сгорело 15 вагонов со всеми находившимися в них людьми.

Наконец к утру поезд был составлен так, как я считал это необходимым. День ушел на выправление документов, выяснение времени отправления и прощание со знакомыми. Отправление назначили в 6 часов утра следующего дня, но и в эту ночь мне не удалось сомкнуть глаз. Уже с вечера начали появляться пассажиры с просьбой довести их «до Иркутска или куда пойдёт поезд». Конечно, можно было просто категорически отказать всем и лечь спать, но я не счёл себя вправе поступить таким образом. В чешские поезда попасть было почти невозможно немислимо, а русских было слишком мало, чтоб удовлетворить даже лиц, имевших казённые командировки и поручения. Были тут и военные и гражданские чины, командированные по делам службы, больные и раненные воины, чающие пробраться подальше от фронта, просто частная публика, бегущая от рая, несомого рабоче-крестьянским правительством. Удовлетворить всех было, конечно, немислимо, располагая всего двумя людскими вагонами. Приходилось большинству отказывать и, таким образом, быть свидетелем и причиной драматических сцен. Только удастся покончить с одним, как являются другие с неизменно стереотипной фразой: «Г[осподин] начальник, разрешите проехать с вашим эшеленом» и т. д.

Наконец в 6 часов утра поезд тронулся, имея заполненным каждый уголок жилых вагонов ранеными и командированными офицерами и солдатами. Лиц других категорий я не принимал, несмотря на просьбы и даже слезы, за исключением двух чиновников министерства снабжения, имевших срочные командировки. Пытка моя кончилась, и я мог немного отдохнуть, поручив наблюдение за эшеленом своему помощнику технику К.¹ Часов в десять он меня разбудил: загорелась бунга у платформ, гружёных рельсами и стрелками. Виноват был отчасти м[ожет] б[ыть] смазчик, у которого «замерзла смазка», хотя он клялся и божился, что в Красноярске налил во все бунга, а может быть неисправна была шейка или подшипники ранее, т. к. эта сплутка платформ с рельсами была подобрана при отступлении службой пути и затем в момент выхода её на фронт была перекинута нам. Пришлось поезд на ближайшей ст[анции] задержать, сменить подшипник, которых у нас в запасе было достаточно, и подписать протокол о простое.

Через несколько перегонов опять загорелась та же бунга. По освидетельствовании оказалось, что шейка задралась. Необходимо было менять скат.

¹ Так в тексте, полное имя установить не удалось.

Скатов у нас в запасе не было, да на это потребовалось бы слишком много времени, которым мы не располагали по своему усмотрению. Для перегрузки же не было свободных вагонов (на станции), да это заняло бы также немало времени. Между тем, груз этих платформ составляли рельсы и стрелки, которых на каждой значительной станции можно было найти сколько угодно, и нам в данный момент они совершенно не требовались. Поэтому обе эти платформы с грузом я передал жел[езной] дор[оге] в лице нач[альника] ст[анции], составивши соответствующий акт о передаче.

Больше приключений не случилось, и я мог, наконец, забыться на несколько времени тяжёлым сном усталости. Проснулся я только часов в шесть вечера, разбуженный весёлым, заразительным женским смехом и необычным оживлением, царившим в соседней половине вагона. Оказалось, что пока я спал, на одной из ближайших станций к нам подседа сестра милосердия. Она отстала от своего санитарного поезда, устраивая тяжело раненого брата в госпиталь в Красноярске, и теперь должна была нагонять. Я уже хотел сделать выговор своему помощнику за её посадку без моего разрешения, ибо поместить её было буквально некуда: один офицер уже накануне был вынужден спать на полу, но так моё замечание и умерло у меня на губах.

Едва я отворил дверь в соседнюю половину вагона, как мне представилась следующая картина: сестра делала перевязку одному из ехавших с нами солдат, которые, кстати сказать, уже несколько дней были без перевязки, валяясь на грязном полу ст[анции] Красноярск в ожидании попасть на какой-нибудь уходящий на восток поезд. Ловко и умело делая своё дело помощи, она в то же время весело болтала с остальными, оживлённо сгруппировавшимися около неё, как около какой-то сказочной феи, наперебой помогая ей, кто чем мог. Кто подавал спирт, кто йод, кто воду, кто держал её сумочку с медикаментами и перевязочными материалами, кто лампу. Шутки, острооты и смех служили аккомпанементом работы. По всему было видно, что за каких-нибудь полчаса своего пребывания в вагоне, она уже успела очаровать всю компанию. Это ясно можно было прочесть по тому благоговению, которое было написано на окружавших её лицах. Заметив меня, она очень просто и мило извинилась за свою самовольную посадку, объяснив своё пребывание в вагоне без моего разрешения нежеланием меня беспокоить, т[ак] к[ак] она слышала, что я очень устал, а также обещанием всей команды и пассажиров выхлопотать у меня это разрешение.

Об отказе, конечно, нечего было и думать. Для очаровательной сестры нашлось и место, уступленное одним из офицеров, которому, в свою очередь, потеснившись, дали место другие. Вечером на сцену появились гитара, балалайка, нашлись музыканты, певцы, рассказчики, декламаторы. Я, пожалуй, давно не проводил так весело вечера, как этот в обществе весёлой и славной сестры «Надежды», сумевшей, как по волшебству, объединить и развеселить эту случайную и разношёрстную компанию, хотя, вероятно, не у одного у меня из этой компании скребли в это время на сердце кошки.

На другой день все мы были хорошими знакомыми, как будто прожили вместе много лет, а к вечеру, к сожалению, должны были расстаться, т[ак] к[ак] наш поезд по «техническим соображениям» был задержан в Нижнеудинске на неопределенное время. Сестра вместе с другими нашими пассажирами перебралась в другой уходящий первым поезд. Как ни неприятна была посадка пассажиров, как ни стесняли они нас, нам было жаль расстаться с этой весёлой компанией, внесшей столько оживления в нашу серую монотонную жизнь.

Дня через три получилось приказание двинуться дальше, а 10-го декабря мы прибыли в Зиму, где были опять задержаны. Вновь потянулись скучные будни одиночного заключения в четырёх стенах вагона. Все мои обязанности сводились к разводу караула и проверке постов. Встать раза два ночью и обойти посты вошло в привычку и не составляло большого труда. Днём же совершенно нечего было делать, и я непременно сошел бы с ума, если бы не достал случайно от военнопленных немецко-английского самоучителя Туссена и не нашёл партнёра в шахматы. В шахматы мы сражались ежедневно с пленным офицером — венгром N,¹ по специальности адвокатом. Он и Sch² — тоже офицер австрийской службы (венгр) — были прикомандированы к нашему батальону для обслуживания лаборатории (фотографической). Последняя при уходе батальона на фронт была передана в базу и так и осталась при ней. N и Sch, оба юристы, были большими приятелями между собой. Они оказались интеллигентными в лучшем смысле этого слова, симпатичными людьми, и мы часто беседовали с ними об отвлечённых вопросах и на политические темы, насколько это позволяло моё знание немецкого языка.

Т[ак] к[ак] продукты мы получали с продовольственного пункта в сыром виде и испытывали постоянное затруднение с приготовлением пищи, они предложили мне столоваться вместе с ними. N при этом оказался неплохим кулинаром, угощая нас деликатесами венгерской кухни, главную особенность которой, как известно, составляет обилие перца во всех видах и сочетаниях. Т[аким] о[бразом], обед, ужин и следовавшие обычно за ними шахматные турниры были в то же время временем практических занятий немцем. Утро и вечер я посвящал изучению английского языка, за который я принялся с ожесточением человека, обречённого на бездействие, лишённого каких-либо иных книг и занятий.

С подчиненной мне командой у меня скоро установились хорошие отношения без подбострастия и фамильярности. Большую часть этой команды составляли железнодорожные техники, телеграфисты и студенты, остальные были квалифицированные рабочие. В отношении службы на всех них я мог полагаться совершенно, за исключением разве двух-трех лиц. И вскоре мне пришлось убедиться в этом на деле. Числа 20-го дек[абря] в Зиму прибыл и второй наш поезд подвижных мастерских. Они привезли нам кое-какие

¹ Так в тексте, полное имя установить не удалось.

² Так в тексте, полное имя установить не удалось.

вести с фронта, в общем, неутешительного характера, между прочим, возможную гибель нашего батальона, а также чековые требования на получение продуктов из интендантства. Большого оживления нам прибытие этого эшелона не принесло. С прапорщиком М.,¹ заведующим мастерскими, человеком юным, но не по возрасту заносчивым, мы были далеки, да и он вскоре уехал в Иркутск за получением продуктов из интендантства по привезенным им чековым требованиям и больше к нам не возвращался. С его помощником, инженером П.,² мы были в лучших отношениях, и это был единственный человек в Зиме, с которым я мог поговорить по душам, как с равным. Но с ним у нас было слишком мало точек соприкосновения.

Впоследствии мне пришлось не раз даже сожалеть, что мы стоим не на разных станциях с мастерскими. Команда мастерских, более многолюдная, чем наша, была в то же время и более буйной и распушенной, чем наша. Прапорщик М. совсем не умел ладить с солдатами и распустил их донельзя, когда же он уехал, его заместил инж[енер] П., человек очень слабохарактерный и мягкий, который не мог совершенно с ней ничего поделать. Солдаты пьянствовали, буянили и даже расхищали имущество, создавая плохую славу о нашем батальоне вообще, а, следовательно и о нашем эшелоне в частности. Близость этой буйной команды и постоянное общение между обеими командами, конечно, не могло мне нравиться, что я часто и высказывал инж[енеру] П., прося его подобрать свою команду. Эти замечания, которые он принимал на свой счёт, ещё более нас отдалили. Мы, хотя и продолжали ежедневно бывать друг у друга и часто схватывались относительно текущих вопросов по службе, но и только, более близких, чисто дружественных отношений между нами так и не возникло, хотя в окружающей обстановке данных для этого было больше чем достаточно.

Между тем, тучи на политическом горизонте сгущались все больше и больше. Гроза приближалась. Точных известий до нас не доходило, но носились разные тёмные слухи о гибели нашего батальона, о полном разгроме армии и т. д., по другим данным выходило иначе. Армия отступает и отступает планомерно, отстаивая каждую пядь земли. Строились различные догадки и предположения о том, где она может задержаться, чтоб дать должный отпор противнику. Единственно, что было тут достоверного это то, что советские войска с каждым днем подходят всё ближе и ближе. Это чувствовалось и по нервности чехов, и по поведению и разговорам деповских рабочих на станциях.

Наконец, 3-го января в Черемхово произошёл переворот в пользу Центра Политических Партий,³ а 5-го он перебросился в Иркутск. Что представлял собою этот Центр, оставалось загадкой, было ясно только одно, что он

¹ Так в тексте, полное имя установить не удалось.

² Так в тексте, полное имя установить не удалось.

³ Политический центр — недолговечное правительство, действовавшее в Иркутске в ноябре 1919 — январе 1920 г. Избран 12 ноября 1919 г. Всесибирским совещанием земских собраний и городских дум.

ставил себе целью не пропускать воинские части на восток, чтоб не дать усилиться атаману Семёнову.¹ О продвижении на восток наших эшелонов нечего было и думать, и перед нами, т[о] е[сть] передо мной и инж[енером] П. невольно со всей остротой и ясностью встал знаменитый гамлетовский вопрос: быть или не быть. Если быть, т[о] е[сть] заботиться о сохранении себя и команды, необходимо было бросить поезда и пробираться в чешских поездах инкогнито. Если же ставить себе целью сохранить вверенное нашему попечению имущество, нужно было оставаться на местах до самой последней крайности, чем бы это ни грозило.

Мы решились на последнее, руководствуясь следующими соображениями. Раз армия существует и отступает, то она не может миновать нас, и если мы сумеем продержаться до её прихода, то и продвинемся вместе с её авангардом (предполагать, что эта армия идет походным порядком, минуя жел[езную] дор[огу], мы, конечно, не могли), и, т[аким] о[бразом], сохраним вверенное нам имущество. Если же продержаться до прихода авангарда нам не удастся, имущество это, конечно, попадет в руки противника, т[ак] к[ак] оказать сопротивление со своими слабыми командами мы, конечно, не сможем, но оно не имеет прямого боевого значения и не может способствовать усилению противника, являясь важным лишь для сильной наступающей армии.

Во всяком случае, как только дошли до нас слухи о готовящемся в Черемхово перевороте, я поспешил передать вагон с динамитом под охрану чехо-войск, руководствуясь нижеследующим:

1) Охрана пути находилась в их руках. Сохранить путь было как в их интересах, так и в интересах нашей отступающей армии (т[ак] к[ак], повторяю, я не мог предполагать, чтобы отступающая армия могла обойтись без услуг жел[езной] дор[оги]).

2) О существовании в нашем поезде вагона с динамитом знали все служ[ащие] и раб[очие] ст[анции] Зима и в случае возникновения здесь ревкома, он мог быть отобран у меня, и создавалась бы угроза целостности пути.

3) Оказать сопротивление я бы не мог, располагая лишь караульной командой в 15 человек.

На основании этого вагон с динамитом был передан по соглашению с нач[альником] гарнизона чехо-войск ст[анции] Зима поручику 4-го чехо-словацкого полка Х.² под соответствующую расписку.

Вскоре явилась из Иркутска от нового правительства делегация, состоящая из офицеров и солдат, для организации власти на местах. Программа нового правительства, т[ак] наз[ываемого] Центра Политических Партий, возвещённая этой делегацией, была в общем расплывчата и неясна. Видно было, что новое правительство носит временный характер и недолговечно.

¹ Семенов Григорий Михайлович (1890–1946) — генерал-лейтенант, войсковой атаман Забайкальского казачьего войска, активный деятель Белого движения в Забайкалье и на Дальнем Востоке.

² Так в тексте, полное имя установить не удалось.

Оно ставило своей целью примирение враждующих сторон и предлагало всем офицерам и солдатам оставаться на своих местах и продолжать нести свои обязанности, гарантируя им личную безопасность. Последнее вполне совпадало с намеченной нами линией поведения, а поэтому оно и было принято нами без колебаний.

С воцарением новой власти авторитет начальников окончательно пошатнулся. Если и раньше дисциплина оставляла желать многого, то теперь она окончательно исчезла. Солдаты стали разбегаться по домам. Эшелон подвижных мастерских был обворован своими же солдатами, которые отчасти бежали домой, отчасти примкнули к появившимся в окрестностях отрядам большевиков, остальные пьянствовали и тащили всё, что попадало под руку. В моём эшелоне дело обстояло много лучше, благодаря более интеллигентному составу команды, а так же и тому, что все вагоны были на болтах (железнодорожные болтики мы употребляли вместо замков, т[ак] к[ак] они оказались много надёжнее последних и их легче было достать) и за печатями. Но пагубное влияние мастерских не могло не отразиться на поведении и моей команды.

Числа 12-го января прибыл шт[абс]-кап[итан] П., мой непосредственный начальник, заведующий техническим имуществом, которому я и передал эшелон в целости и сохранности, с большим удовольствием передав ему заботы и ответственность о сохранении казенного имущества. Шт[абс]-кап[итан] П. впервые привез известие о гибели нашего батальона и, что армия генерала Каппеля,¹ будучи окружена красными, с боем пробилась через кольцо и, отступая отчасти по жел[езной] дор[оге], отчасти походным порядком, вероятно, скоро будет здесь. Он всецело одобрил мой план действий и решил проводить его до конца. 14-го шт[абс]-кап[итан] П. заболел, а 18-го его пришлось перевести в местную железнодорожную больницу, т[ак] к[ак] у него обнаружился сыпной тиф, и мне вновь пришлось все его обязанности принять на себя.

В день приезда шт[абс]-кап[итан]а П. из эшелона бежало три солдата совместно с 7-ю человеками из мастерских. Через два дня один из оставшихся напился пьяным и произвел дебош в эшелоне, так что его пришлось для вытрезвления отправить в милицию. На завтра, вместо наложения взыскания, ему в милиции выдали документ на свободное возвращение домой. Такое отношение в корне подрывало уцелевшие остатки дисциплины. Солдаты стремились разбежаться, и многие подыскивали места на жел[езной] дор[оге] или в почтово-телеграфной конторе и только ожидали удобного случая для этого. Единственной мерой воздействия было убеждение, но и оно мало-помалу теряло свою силу.

Числа 15-го или 16-го власть перешла в руки совдепов. Местный совдеп сразу же взял наш эшелон под подозрение и контроль, установив за нами негласный надзор. Начальник милиции, гарантировавший нам личную

¹ Каппель Владимир Оскарович (1883–1920) — один из руководителей Белого движения на Востоке России, генерал-лейтенант, главнокомандующий Восточным фронтом армии А. В. Колчака.

безопасность после первого переворота, вынужден был взять свои слова обратно, «ввиду изменившейся политической конъюнктуры», как он выразился. У нас из эшелона отобрали часть керосина для нужд местного населения, в чём, впрочем, выдали мне соответствующую расписку. Затем совдеп занялся своими внутренними делами и больше нас не беспокоил. Мастерские уже в 20-х числах ушли в Иннокентьевскую, и я больше их не видал.

29-го янв[аря] в Зиму прибыл Штаб Вост[очно]-Сиб[ирской] Кр[асной] армии.¹ Меня, как начальника единственного русского эшелона, сейчас же вытребовали туда. Я явился в сопровождении своего помощника — техника К., который был кладовщиком нашего поезда. Один я избегал появляться в подобных случаях, во-первых, чтобы вследствие своей глухоты не стать в глупое положение, во-вторых, чтобы быть в курсе всего, что говорится в моём присутствии, хотя бы и без личного обращения ко мне, в-третьих, наконец, чтобы иметь на всякий случай свидетеля и в случае ареста сделать необходимые распоряжения. После опроса, кто я, какой поезд, откуда прибыл, чем гружён, сколько людей, винтовок, патронов и т.д., на что я дал по возможности полные и обстоятельные ответы, мне был предложен вопрос о признании советской власти.

— Вы видите, что я вам подчиняюсь, — усмехнулся я.

— Да, но это не на вопрос. Признаете ли Вы сов[етскую] власть и хотите ли служить ей?

— А если я Вам отвечу «да», Вы мне поверите?

— Н-не знаю.

— Так зачем же ставите этот вопрос? Если Вам угодно меня арестовать, то, пожалуйста, я здесь, к вашим услугам. Только благоволите предварительно принять от меня всё вверенное мне имущество (казённое) и выдать мне соответствующую расписку, ибо казённое имущество остается казённым имуществом, кто бы ни стоял у власти, и я не хочу, чтобы ко всему прочему меня могли бы обвинить как казнокрада, — документы у меня все в порядке.

— Об аресте я ещё ничего не говорил.

— В таком случае Вам должно быть безразлично, признаю я советскую власть или нет.

— Почему это?

— Да потому, что мы не боевая часть, а инженерная, и притом, имея 12–15 человек команды, которая к тому же не сегодня, завтра разбежится по домам, я не смогу оказать Вам ни сопротивления, ни поддержки, если б даже хотел.

После совещания, которое длилось минут десять, адъютант вошёл и объявил, что командующий армией приказал оставить меня в занимаемой долж-

¹ Восточно-Сибирская советская армия (ВССА) — сухопутные вооружённые силы, созданные в январе 1920 г. на базе Народно-революционной армии Иркутского Политцентра из партизанских и повстанческих отрядов Прибайкалья, а также восставших частей армии Колчака.

ности впредь до прибытия эшелона в Иркутск, где все имущество будет от меня принято, эшелон же немедленно отправить в Иркутск. Сейчас же выдали мне соответствующее предписание, на которое я и вынужден был ответить рапортом о вступлении в должность нач[альника] эшелона. Эшелон мне не без труда удалось задержать в Зиме, но как потом оказалось, совершенно напрасно.

ГИБЕЛЬ ЭШЕЛОНА

Опасность обычно скрывается там, где её меньше всего ожидаешь. Перед переворотом, выдвинувшим на сцену Полит[ический] Центр, и затем в ожидании большевиков, я приготовился ко всевозможным ужасам красного террора. Сделав все распоряжения как быть в случае моего исчезновения или ареста, какие давать показания при допросах, как поступить с моими вещами, если они уцелеют, и проч[ее], через одного из наших солдат — фотографа М.,¹ семья которого, эвакуировавшись из Сызрани, проживала в Зиме, я познакомился с ней и её квартирными хозяевами — машинистом Х.,² оказавшимися очень симпатичными милыми людьми. Сочувствуя моему затруднительному положению, они предложили мне помочь, чем могут. Я отнес к ним часть своих вещей и денег, на случай, если б мне пришлось бежать и скрываться.

Но благодаря ли тому, что переход к большевизму в Иркутске совершался постепенно, через правительство Центра, которое т[аким] о[бразом] сыграло роль буфера, смягчившего страсти в переходный период, или по каким иным причинам, только оба переворота в Зиме прошли совершенно безболезненно. Не было ни казней, ни насилий, ни даже обысков и арестов. Правда от некоторых совдепщиков я раза два слышал угрозы по своему адресу, однако этим лишь дело и ограничилось. Так что в этом отношении я на красных пожаловаться не могу. Единственным актом, который можно бы было рассматривать с этой точки зрения, было отобраение у нас цистерны с керосином, около 300 пудов для нужд жел[езной] дор[оги] и железнодорожных служащих. Но и это было сделано по официально оформленному акту комиссией, в которую входили представители от железнодорожной администрации, кооператива и местной власти в лице совдепа. За что они в свою очередь нашли необходимым уплатить жалованье за два месяца обоим командам.

30-го января в 2–3 верстах от Зимы произошло сражение между красными и авангардом армии ген[ерала] Каппеля (тогда уже Войцеховского,³ т[ак] к[ак] Каппель за несколько дней перед этим умер). В результате этого

¹ Так в тексте, позднее упоминается фамилия фотографа — Мурзаев.

² Так в тексте, полное имя установить не удалось.

³ Войцеховский Сергей Николаевич (1883–1951) — генерал-майор, один из организаторов Чехословацкого корпуса в России (до марта 1919 г.), один из руководителей Белого движения на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. 25 января 1920 г., после смерти генерал-лейтенанта В. О. Каппеля, сменил его на посту главнокомандующего Восточным фронтом.

сражения красные были смяты и разбежались по тайге, оставив массу пленных. Около 3-х часов дня, когда оружейная и пулемётная пальба достигла своего апогея, отлично слышная и у нас, ко мне в вагон явился отряд, человек 10 чешских солдат под командой унтер-офицера, с требованием отдать имеющееся в эшелоне оружие. На вопрос, где у них офицер, они ответили, что он сейчас придет.

— У меня только 15 винтовок, которые необходимы команде для несения караульной службы.

— Всё равно, давайте всё, что у вас есть: винтовки, патроны, револьверы, бомбы и т. д.

— Хорошо, только по чьему приказанию это делается?

— По приказанию коменданта станции, чтобы не произошло стрельбы на вокзале и не пострадали нейтральные чешские эшелоны.

Мотив избежания провокационной стрельбы на вокзале, чтобы не пострадали нейтральные чешские эшелоны, мне показался убедительным. К чехам до того времени я относился с доверием, работая с ними рука об руку в течение всего прошлого года на Восточном фронте. Кроме того имел знакомых среди офицеров 4-го Пех[отного] ч[ехо]-с[ловацкого] полка — коменданта станции и нач[альника] гарнизона, познакомившись с ними ещё по делу о передаче динамита. Они знали моё отношение к красным и могли в случае надобности быть свидетелями и поручителями. Поэтому я не протестовал против временного отобрания оружия, потребовав только выставления чешского караула на это время для охраны поезда, что и было мне обещано.

Я совершенно не знал, что всего за два или три дня 4-й ч[ехо]-с[ловацкий] полк ушел со ст[анции] Зима. Нач[альник] гарнизона, комендант и нач[альник] охраны сменились, и были новые совершенно незнакомые мне люди. Неизвестно мне было также и то, что нравственная физиономия чехов с прошлого года сильно изменилась, превратив из рыцарей чести в грабителей. Слухи о кое-каких неблагоприятных поступках доходили и до меня, но я упорно отказывался им верить до тех пор, пока не убедился в этом на собственной шкуре.

Поддерживая строгий нейтралитет там, где это касалось открытой борьбы, они не прочь были под шумок поживиться за счет более слабой стороны, особенно, когда это можно было сделать совершенно безнаказанно, и добыча была достаточно заманчивой. Так, видимо, дело обстояло с арестом поезда Колчака в Нижнеудинске,¹ который не мог оказать им должного сопротивления, и с грабежом обозов, отступавших из-под Иркутска анти-советских войск. Там они действовали со стороны красных, о чем советские газеты не преминули протрубить во всеуслышание, приветствуя новых союзников. Когда же успех склонился в пользу кашпелевцев, они, под видом возмездия красным, разграбили богатые интендатские склады в Иннокентьевской,

¹ Поезд адмирала Колчака вышел из Нижнеудинска 10 января и прибыл в Иркутск 15 января 1920 г., где А. В. Колчак и был арестован.

и потом каппелевцам же продавали по дешевке предметы обмундирования, снаряжения, консервы и проч[ее]. Но, повторяю, во всём этом я убедился значительно после, совершенно не подозревая в данный момент той ловушки, в которую неожиданно попал.

Когда все оружие было передано в эшелон 1-го Кавал[ерийского] ч[ехо]-с[ловацкого] полка, солдаты этого полка вместе с солдатами 10-го Пехотного полка явились большой толпой и начали грабить эшелон. Замки с кладовых были моментально сорваны, болты, которые оказались гораздо крепче замков, были выворочены вместе с застёжками, и началась форменная вакханалия разнузданной толпы. Я сейчас же выскочил из вагона с целью остановить безобразие и вместе с грабителями пойти к ч[ехо]-с[ловацкому] коменданту станции, чтоб выяснить недоразумение.

Но куда там! Едва я успел сказать несколько слов, как был разоружен пьяными солдатами, которые уже успели добраться до моторного топлива (спирт с бензином) и попробовали его. Послышались возгласы: «Комиссар. Обыскать. У него вероятно есть бомбы и револьвер». Я расстегнулся, чтоб показать, что у меня нет ни того, ни другого. Ощупав все карманы и убедившись, что я безоружен, толпа стала ещё нахальнее. На мое предложение пойти к коменданту станции, слышались насмешки, оскорбления и возгласы: «Что с ним разговаривать, убить». Сейчас же поднялось несколько прикладов. Один удар попал мне в правый локоть и был настолько силен, что приклад сломался. Я едва устоял на ногах и думал, что раздробили мне руку. (Рука оказалась целой). Спас только меховой бешмет, который пострадал при этом порядком. Другой удар пришёлся в голову и совершенно оглушил меня. Шапка слетела с головы, и третьим ударом в обнажённую голову я несомненно был бы убит. К счастью, подоспели N и Sch, вмешавшиеся в толпу в этот момент. Они оттеснили меня к вагону и затащили внутрь, но самим им при этом досталось здорово.

Я был так ошеломлен произошедшим, что несколько времени совершенно не мог соображать. Наконец, придя в себя, я отправил своего помощника к ч[ехо]-с[ловацкому] коменданту изложить ему положение дела и просить его принять меры к защите эшелона и команды. Но он скоро вернулся, к коменданту его не пустил ч[ехо]-с[ловацкий] патруль, выставленный у нашего поезда. Ясно было, что нас принимают за красных и, пользуясь победой каппелевцев, которую мы ждали с таким упованием и надеждой, как избавление, наш эшелон в качестве приза обречён на поток и разграбление. И когда же? В самый момент осуществления наших надежд.

Разграбление поезда тем временем продолжалось. Покончив с кладовыми, откуда было взято всё, что можно было вынести одному, очередь дошла и до жилых (помещений) вагонов. Совестьившиеся грабители до сих пор окончательно обнаглели. Под видом обыска в вагон ввалилась ватага человек в 10 солдат, перерыли все вещи, уничтожили книги, документы, отобрали деньги и более ценные вещи как у меня, так и у солдат. Ни протесты, ни

указания на книги и документы, свидетельствующие о том, что поезд-база принадлежит 4-му Сиб[ирскому] железнодорожному бат[альону], входящему в состав Сиб[ирской] армии, а не советской, наконец, личные документы мои и солдат команды, не оказывали никакого влияния на грабителей.

— Что вы тычете нам бумажками, — отвечали они, продолжая свое дело.

Наконец часов в 7 вечера, в вагон явился чешский офицер. Я ему заявил о творящихся безобразиях. Показал кое-какие документы, свидетельствующие о принадлежности эшелона к Сиб[ирской] армии, которые уцелели ещё от разгрома.

— Если Вы не верите этим документам, считаете нас большевиками и поезд военным призом, — заявил я, — то должны нас арестовать, допросить и, если найдете нужным, даже расстрелять, но, во всяком случае, не подвергать оскорблениям и издевательствам пьяных солдат, а поезд принять под охрану. А то ведь это форменный грабёж.

Офицер, надо отдать ему справедливость, держался вполне корректно, хотя я высказал ему немало горьких истин.

— Об ограблении поезда только сейчас узнал, меры к прекращению грабежа и охраны поезда мною уже приняты. Вас же и команду я должен объявить под арестом впредь до допроса и выяснения личностей. Поэтому прошу вас из вагона не выходить, так как снаружи поставлены часовые и отдано приказание стрелять. Теперь к вам в вагон никто не придет, — закончил он, удаляясь из вагона.

Часа два прошло действительно спокойно. Мы могли подсчитать потери своих вещей и даже с горя сразиться с N в шахматы. Оказалось, что у нас исчезла вся посуда и продукты, за исключением кастрюли с ужином, стоявшей на плите. Последнее обстоятельство смягчило нашу печаль. У меня исчез френч, шаровары, калоши, шпory, шёлковое на шерстяной вате одеяло (правда, очень и очень подержанное), 12 тысяч казённых денег и все мои, за исключением нескольких сотен, находившихся в портмоне в кармане. Исчезли также все канцелярские принадлежности и все казённые вещи, находившиеся в вагоне. Самыми ценными из них были, пожалуй, два нивелира Герляха.

В 9 часов к нам опять явились 4 человека чеш[ских] солдат. Одного из них я принял было за офицера по его интеллигентной наружности и манере держаться. Нашивок я не рассмотрел, т[ак] к[ак] было довольно темно. (Потом я его встречал на вокзале и узнал, что это был всадник 1-го Конного полка). Снова начался обыск, закончившийся отображением у меня шубы-бешмета на лисьем меху, походного ящика, где находилось все мое чистое бельё, хорошие сапоги, новенькая пара частного платья и проч[его]. Т[аким] о[бразом], у меня остались только узел с грязным бельем, да то, что было на мне надето: стоптанные валенки, старые штаны, гимнастерка да солдатская ватная душегрейка.

Мои военнопленные пострадали ещё больше. У них вещей было гораздо больше моего, а после обыска не осталось ровнёхонько ничего, кроме

надетого на них. Особенно жаль было Sch расстаться с акварелями работы его приятеля и сожителя по красноярскому концентрационному лагерю, ценными по связанным с ним воспоминаниями, а также одной бронзовой высокохудожественной миниатюры, работы того же художника. За нежелание расстаться с ними он даже получил удар по физиономии от того интеллигентного с виду человека, которого я принял сначала за офицера.

Но этим дело не кончилось. Едва наши грабители удалились, как в вагон с шумом ввалились ещё трое. Один из них, показывая на меня, стал горячо уверять своих приятелей, что я тот самый комиссар, который 9-го января арестовал его в Куйтуне и хотел отправить на Черемховские копи, что он меня отлично знает и что ему необходимо со мной рассчитаться. Остальные его поддерживали. Мои уверения, что я с поездом прибыл сюда 10-го декабря и никуда отсюда не отлучался, что может подтвердить каждый из присутствующих солдат команды, конечно, ни к чему не привели.

Мне было приказано следовать за ними к «пану полковнику». Когда я стал искать, что бы мне надеть, т[ак] к[ак] на дворе был зверский холод, а шуба моя исчезла, один из них заметил, что это совершенно напрасно, т[ак] к[ак] меня всё равно расстреляют. Уверенность этих людей, что я действительно комиссар, арестовавший одного из них, была так велика, что действительно могла сбить с толку кого угодно. Мне оставалось только проститься с командой и подчиниться своей участи. Что «пан полковник» долго разбираться не будет, а эти архаровцы не упустят случай сорвать свою злобу, у меня не оставалось никаких сомнений, также как и у моих солдат, которые прощались со мной со слезами. Но мои юристы примириться с таким беззаконием не могли и N, накинув на себя пальто, выскочил непосредственно за нами.

Темно. Холодный пронизывающий до костей ветер, крупный рыхлый снег, наметая сугробы, свистит в промежутках между вагонами. Мои стражи горячо спорят друг с другом, поминая «пана полковника» и расстрел, но я уже не вслушиваюсь в это. Зубы мои отбивают мелкую дробь, но не от страха. В душе у меня совершенно пусто после тех переживаний, которые выпали на мою долю в течение этого дня. Того чисто животного ужаса, и сознания «вот конец», который охватил на минуту меня днём, когда ударом приклада была спиблена шапка и я видел над обнажённой головой в воздухе другой приклад, теперь не было и следа. Обрывки мыслей о доме, о бумагах, которые нужно было передать в Верхне-Удинск отцу, о том, в каком глупом положении я в конце концов оказался, мелькали в разгорячённой голове, не оставляя, впрочем, никакого следа. В то же время я ясно чувствовал холодный ветер, пронизывающий меня насквозь, и сугробы, в которые мы проваливались до колена. Видел N, который выскочил вслед за нами из вагона, был благодарен ему, но ясно сознавал, что заступничество его перед «паном полковником» будет совершенно напрасно и кончится только лишней неприятностью ему.

Вдруг моя стража остановилась, и я разобрал только следующее: «Ну, если ты так уверен, то и считайся с ним сам, нечего беспокоить пана

полковника». Мы были в это время в хвосте стоящих на станции эшелонов у входных стрелок. Мне опять задали тот же вопрос: не я ли арестовывал его в Куйтуне. Что я мог ответить? Чем мог поколебать его уверенность? В этот момент вмешался Н. Дело в том, что один из 3-х, меня арестовавших, был венгр, и мои венгры это сейчас же смекнули. Поговорив с ним довольно долго и горячо по-венгерски, он, по-видимому, убедил его в моем alibi, потому что тот сейчас же заговорил с остальными, предлагая плюнуть на это дело.

— Деньги есть? — был мне вдруг совершенно неожиданно поставлен вопрос.

Я вынул кошелек со словами: «Вот все, что у меня осталось», — и это была суцая правда.

— Выньте все деньги, какие там есть, кошелёк же с документами возвратите, пожалуйста, т[ак] к[ак] в этих документах всё моё оправдание от таких обвинений, какие только что возвели на меня вы.

Минут через 10 с облегченным кошельком и сердцем вернулись мы в вагон, где уже не чаяли меня видеть, и в то же время заметили, что стража у вагона отсутствует. Ночью бежать нам было некуда, а утром перед рассветом мы разбежались кто куда, ибо в поезде нам делать было больше нечего.

ЧУДЕСНАЯ ВСТРЕЧА

Оказаться в 5 часов холодного зимнего утра в чужом почти совершенно не знакомом городишке, не имея ни пристанища, ни близких знакомых, ни куска хлеба в запасе, ни гроша денег в кармане, с маленьким легким узелочком грязного белья под мышкой и с ещё более лёгкой душегрейкой на плечах, согласись, перспектива не из заманчивых. Но я был доволен. После только что пережитой нравственной пытки, продолжавшейся более полусуток, после всевозможных унижений и оскорблений, я был искренне рад очутиться на свежем вольном воздухе, вырвавшись, наконец, из этого ада. Я был рад и ясному морозному утру, и снегу, что весело похрустывает под ногами, лёгкому ветерку, который обвеивает голые щёки и руки, забивается под душегрейку и холодными струйками пробегает по мне, заставляя вздрагивать всё тело, словом тому, что я мыслю, чувствую, живу, существую, что страшный кошмар миновал, что мне удалось вырваться, наконец, из рук цивилизованных грабителей, сухопутных цивилизованных пиратов 20-го века и той предательской западни, в которой я так неожиданно очутился.

Но, радоваться, в сущности, было нечему, впереди было тоже немного утешительного. Куда я пойду, что буду делать, к кому должен явиться по начальству и как теперь примут мою явку. Одно дело, если бы мне удалось сохранить поезд со всем вверенным мне имуществом, командой и документами, или если бы поезд был разграблен красными, и совсем другое, когда я ославлен как комиссар, избит, ограблен, без формы, без документов, без вверенного казённого имущества и с разбежавшейся командой. Но в данный момент все эти вопросы как-то не приходили мне в голову. Совершенно

машинально добрёл я до домика машиниста Х., где проживала семья нашего фотографа Мурзаева и где был я всего раза три или четыре вечером попить чаю в семейном доме, да перекинуться от нечего делать в бб, когда сидеть в вагоне становилось уже слишком невыносимо.

Как я прошел по улицам сонного города, я совершенно не помню. Знаю только, что ни один патруль, ни один часовой меня не окликнул, не остановил, а между тем город был только что занят прибывшими, наконец, каппелевцами. Дом машиниста Х. был полон спящими впопалку солдатами, но хозяева были уже на ногах, да они едва ли и ложились в эту тревожную ночь. Я был искренне тронут той сердечностью и неподдельной радостью, с которой был встречен этими милыми простыми людьми. О катастрофе поезда, до момента моего избения включительно, они были уже осведомлены одним из солдат нашей команды, скрывшимся во время свалки, фотографа М. я отпустил немного раньше к семье, и по-видимому, уже не чаяли видеть меня живым. Меня окружили таким вниманием и заботливостью, какие не всегда встретишь даже среди родных.

Когда опасность миновала, нервное напряжение разрешилось бурной реакцией. Меня всего трясло, как в лихорадке, и только теперь я почувствовал страшную усталость во всем теле, сильную головную боль и то, что едва владею правой рукой. Локоть посинел и распух, а мысли в голове мелькали, как в калейдоскопе, перескакивая с предмета на предмет без всякой логической связи, как в бреду. Я едва мог связать несколько фраз, чтоб закончить печальную историю ограбления поезда, начало которой было уже известно моим радушным хозяевам. В этот момент я, вероятно, был похож на помешанного. Напоив меня почти насильно горячим чаем, меня уложили в постель в комнатке, занимаемой самими хозяевами, укрыли чем-то теплым и, когда я успокоился, дали мне уснуть крепким ободряющим сном.

6 часов спокойного крепкого сна сделали своё дело. Хотя я и чувствовал ещё сильную слабость во всем организме, и голова продолжала болеть отчасти от нравственных потрясений, отчасти, вероятно, от физического воздействия союзнического приклада, но я уже мог сосредоточиться, обдумать и взвесить случившееся и понять всю неприглядную безвыходность своего положения. В самом деле, уже одним своим видом оборванца я должен был возбуждать подозрительность, а единственный сохранившийся у меня документ — удостоверение личности — не казался теперь достаточно убедительным даже мне самому. Мысли, как тяжелые жернова, едва шевелились в больной измученной голове, притом чувствовалась такая апатия ко всему окружающему, что я решил отложить явку до следующего дня, ограничившись лишь в этот день наведением кое-каких необходимых справок.

От стоявших в доме солдат мы узнали, что на сегодняшний день назначена дневка, что приходит «омская группа», составляющая головную часть отступающей армии, что вся армия движется пехотным порядком на подводах, минуя жел[езную] дор[огу], и её прохождение продлится, вероятно, не менее

1–2 недель. Не все эти сведения оказались достоверными. В частности, проход армии через Зиму продолжался в течение всего 3–4 дней, т[ак] к[ак] части армии шли разными дорогами, дабы не обедать деревни.

Т[аким] о[бразом], период времени, в течение которого я имел возможность явиться, казавшийся мне вначале более, чем удовлетворительным, на самом деле оказался много короче. Через машиниста Х. мне удалось узнать на станции, что 4-й ч[ехо]-с[ловацкий] Пехотный полк, в составе которого я имел 3–4 знакомых офицеров, которые могли бы способствовать выяснению недоразумения и подтвердить в случае надобности кое-какие факты, необходимые для моей реабилитации, и, может быть, содействовать хоть частично возвращению казённого имущества, три дня тому назад ушел на восток. Комендант станции и нач[альник] гарнизона сменились. Стало быть, об обращении к чехам нечего было и думать.

Оставалась одна надежда на команду. Вечером явились трое из моей команды и сообщили, кто, где и как устроился. Техник К., студент Л.¹ и ещё кое-кто из солдат получили места на жел[езной] дор[оге]. Им это было обещано уже давно, т[ак] к[ак] хлопотать об этом они стали с момента первого переворота в Иркутске. Двое других точно так же устроились в местной почтовой конторе, трое на местном лесопильном заводе, двое приютились временно в беженском эшелоне у земляков и, наконец, остальные просто на ст[анции] в ожидании присоединения к армии.

На следующий день (1-го февраля, понедельник) я с утра направился совместно с группой солдат отыскивать Штаб Омской группы, чтоб передать себя и команду в его распоряжение. Но отыскать его оказалось не так просто. Никто из встреченных солдат и офицеров не мог указать, где он находится. Первый штаб, куда я попал, оказался штабом одного из батальонов. Выслушав меня, с плохо скрытым недоверием, мне сказали, что штаб Омской группы стоит, кажется, в Старой Зиме — деревушке, верстах в 3–4 от станции, что насильно идти с собой никого не принуждают и желающим оставаться не препятствуют, что примыкающих к армии добровольцев принимают охотно, но им самим приходится заботиться о средствах передвижения: пешком идти нельзя, т[ак] к[ак] движутся быстро, а подвод свободных не имеется, что не имея средств к передвижению, примкнуть к армии, особенно с командой, почти немислимо. Такое положение дела поставило меня в тупик. Где взять подводы, когда у всей команды сохранилось не более тысячи рублей.

На выручку пришел один из присутствовавших офицеров. Узнав название нашего батальона, он сообщил, что в его полку есть два офицера из нашего батальона: прапорщик Маркман и шт[абс]-кап[итан] Ильвицкий. Услышав знакомые фамилии и узнав, где они стоят, я, конечно, сейчас же бросился к ним. Там меня встретили иначе. Выслушав историю ограбления поезда, шт[абс]-кап[итан] Ильвицкий сейчас же направился в штаб, чтоб

¹ Так в тексте, полное имя установить не удалось.

передать её там и спросить инструкций, как поступить с поездом и командой. Мы же с Маркманом отправились к чешскому командованию с протестом против ограбления поезда и для выяснения того, что ещё сохранилось в нём и есть ли возможность его вернуть.

Печальную картину представлял наш поезд, который всё ещё стоял в том же тупике, как и раньше, хотя уже был захвачен 1-ой ч[ехо]-с[ловацкой] Инженерной ротой. Двери кладовых вагонов поломаны, из вагонов исчезло всё мелкое имущество. Остались там только лебёдки, канаты и проч[ие] неудобно переносимые громоздкие вещи; чисто железнодорожное имущество, вроде болтов и накладок, да паровой копёр с локомотивом, причём с последнего была обнимана вся медная арматура. Моё детище — фотолаборатория, которую я оборудовал и которой заведывал в течение более полуторах лет была превращена в полнейший хаос. Не знавшие толку громилы вскрыли коробки со свежими пластинками и светочувствительной бумагой, и битое стекло, и потерявшая ценность бумага толстым слоем покрывала весь пол вагона, ценный большой аппарат (размер 30 на 40) с анастигматом Цейса, конечно, исчез вместе с кассетами и стативом. В тёмной камере не уцелело даже красное стекло, вмазанное в оконную раму, которое разбили громилы по-видимому прикладами, чтоб пустить свет. И весь этот вандализм произвели люди, смеющиеся хвалиться перед нами своей культурностью.

— Русские все сволочи и свиньи, — слышалось несколько раз в памятный день 30-го января.

Может быть и так, мы прекрасно сознаем свою некультурность и темноту. Ну, а чешские солдаты-громилы, не сволочи? — спросили в свою очередь мы, — а чешские офицеры, отбравшие у русских офицеров всё имущество, все деньги за то только, чтоб укрыть их в своем поезде от красных и потом заставлявшие их ещё работать за конюхов или в качестве денщиков чистить им сапоги, — эти чешские офицеры не свиньи? Нет, голубчик, «чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться». Мы теперь, слава Богу, знаем цену пресловутой культурности немцев и чехов и проч[их] не менее славных и культурных народов. И если война, эта несчастная проклятая война, имеет какие-либо положительные стороны, то это познание, несомненно, одно из самых главных.

Мы не только некультурны, но и тупы. Каждый исторический урок нам обходится очень и очень дорого. Мы, как институтки, не можем обойтись без обожания и кумира. Вечно отыскиваем и творим новых божков, раболепно преклоняя колена, и мажем им рылю сметаной, пока, наконец, в один прекрасный день не убеждаемся окончательно и всегда самым печальным образом, что наш божок оказался самым обыкновенным грубым намалеванным болваном. Так было с немцами, так было с чехами, так будет, несомненно, и с японцами, которых мы теперь начинаем боготворить.

Но, извиняюсь за отступление. Начальник ч[ехо]-с[ловацкого] гарнизона выслушал истину ограбления поезда и подтверждение прап[орщика]

Маркмана, что поезд действительно принадлежит Сибир[ской] армии и что об этом инциденте уже доложено в штаб группы, рассыпался в извинениях по моему адресу и обещал принять самые решительные меры к расследованию этого инцидента и просил дать ему письменное изложение происшедшего, дабы дать надлежащий ход делу. С эти мы и расстались.

Шт[абс]-кап[итан] Ильвицкий сообщил, что выяснять дело и требовать о возвращении от чехов казённого имущества штаб не имеет возможности, т[ак] к[ак] уже получено приказание двигаться дальше, что я и часть команды, человека 3–4, если пожелаем, можем присоединиться к ним, остальные пусть примыкают к проходящим частям одиночным порядком. Мне лично названные офицеры предлагали устроиться вместе с ними, но воспользоваться этим заманчивым предложением мне не пришлось, к сожалению.

Прежде всего, я должен был предупредить свою команду и указать им порядок присоединения к армии, во-вторых, у меня не было шубы. Ехать в одной душегрейке было немыслимо, а достать шубу — мудрено. Помимо отсутствия денег, которые я, в крайности, мог одолжить у этих офицеров, необходимо было ещё время, а его-то как раз и не оказалось. Пока мы сообщали друг другу результаты, получилось приказание «вытягиваться», и мне волей-неволей пришлось отложить своё присоединение до другого благоприятного случая.

На другой день я подал копию рапорта начальнику ч[ехо]-с[ловацкого] гарнизона ст[анции] Зима, подлинник которого рассчитывал подать по команде в штаб армии, что мне удалось сделать только по прибытии в город Читы. А ещё через день пошёл справиться о наложении резолюции. Как и следовало ожидать, дело откладывалось в долгий ящик. Копия с моего рапорта, якобы, ушла в Иркутск ген[ералу] Жанену¹ на усмотрение. Ясно, штаб Омской группы из Зимы ушёл, штаб армии не проходил, неприятных разговоров с русским командованием не предвиделось, а поэтому и дело можно было отложить совершенно спокойно. И я, кроме личных извинений г[осподина] полковника Кра 10-го ч[ехо]-с[ловацкого] полка ничего не получил.

Но представь моё удивление и радость, когда на вокзале я совершенно неожиданно нос к носу встретился с Юрием и Николашкой.² Казалось, сама судьба послала их мне на помощь. Юрий, одетый в солдатский полушубок и в свой красный дождевик с пелериной, делавшей его похожим на ксёндза, таскал в руках свой бешмет и с первых же слов заявил, что он уже два раза

¹ Жанен, Морис (1862–1946) — французский военный деятель и дипломат, генерал, участник Гражданской войны в России. С января 1919 г. — представитель Высшего межсоюзного командования и главнокомандующий союзными войсками в Сибири и на Дальнем Востоке. В декабре 1919 г. поддержал восстание против колчаковского правительства в Иркутске. Санкционировал выдачу А. В. Колчака Политцентру, что впоследствии привело к его расстрелу.

² Племянники И. А. Молчанова — Юрий Романович Лариков и Николай Владимирович Молчанов.

покушался его бросить, да всё жаль было. Теперь, говорит, кажется, решусь, слишком уж он мне надоел.

— Так дай лучше мне, у меня как раз вся беда, что нет шубы.

— Вот и отлично, забирай, пожалуйста, не бросать, по крайней мере.

— Но почему ты сам не наденешь его, а полупшубок бы дал мне.

— Нет, бешмет не входит на душегрейку, а без неё холодно.

Я сейчас же завладел бешметом, который мне пришёлся как раз впору даже на душегрейку, сбежал проститься с любезными хозяевами, захватил свои скудные пожитки и примкнул к ним с тем, чтобы уже ни в горе, ни в радости не разлучаться. Война и постоянная грозящая опасность делают нас невольно религиозными и даже суеверными. Недаром суеверны все моряки и все побывавшие на войне. Эту чудесную встречу я считал и считаю за указание, посланное мне свыше.

ПО СПОСОБУ АМЕРИКАНСКИХ МИЛЛИАРДЕРОВ

Прошлое письмо я закончил чудесной встречей с племянниками. По возвращении из города, куда мы ходили с Юрием за моими пожитками, на вокзале встретили шт[абс]-кап[итана] П. Бедняга едва двигался после перенесённой тяжелой болезни.

— Сегодня, — говорил он, — кончается срок моего пребывания в больнице. Куда я теперь денусь?

Я познакомил его с Юрием и Колей и сообщил, что думаю двинуться с ними. Он долго колебался, не примкнуть ли к нам, но, в конце концов, решил обождать ещё суток трое в надежде, что за ним приедет жена из Иркутска, но, кажется, прогадал. Сообщение с Иркутском так и не восстановилось, и ему едва ли удалось выбраться из Зимы. Впрочем, и с нами досталось бы ему солоно. Слабый, едва оправившийся от болезни, он едва ли смог бы выдержать это сногшибательное путешествие.

Ты, вероятно, помнишь картинку, одно время обошедшую почти все наши иллюстрированные журналы, где изображён большой американский паровоз. На площадке между передними его буферами сидят несколько фигур в автомобильных очках, меховых шапках, укрытые теплыми пледом и проч[ее] и подписано: «Как любят ездить американские миллиардеры». Во время нашего путешествия нам часто вспоминалась эта картинка, и мы не раз подтрунивали над Колей, что потомки русских миллионеров¹ оказались изобретательнее своих американских коллег и в погоне за сильными ощущениями не довольствуются одними паровозами, но любят ездить также на тендерах, в углярках, на тормозах, на буферах, на крышах вагонов, на угле, на сене с лошадьми и проч[ее], и проч[ее]. И даже пешком по шпалам, так сказать, с экстренным поездом. Действительно, как только мы не ехали!

¹ И. А. Молчанов, Ю. Р. Лариков и Н. В. Молчанов были выходцами из семей состоятельных сибирских купцов.

Вспоминалась мне не раз также и другая картинка. Когда я ехал в первый раз с братом Фёдором в Германию,¹ нам пришлось проезжать через Варшаву и Александрово. На одной из маленьких промежуточных станций Доря обратил моё внимание на массу евреев в длинных чёрных лапсердаках, разгуливавших по платформе вокзала, и что удивительнее всего, разгуливали по два-три человека, не сбиваясь в кучу, не жестикулируя и даже почти не разговаривая друг с другом. Это было действительно необычайно. Дело объяснилось скоро и очень просто. Дали третий звонок, и, свистнув два раза в ответ кондуктору, поезд наш плавно тронулся с места. Вдруг, точно по мановению волшебного жезла, картина резко изменилась. Все эти лапсердаки, чинно и важно прогуливавшиеся по платформе, точно по команде, подвернули свои фалдочки и бросились врассыпную к поезду. Жандармы, тихо дремавшие до того времени у вагонов, так что даже я их не заметил, кинулись им наперерез, хватая, кого за шиворот, кого за фалды. Перемена была столь неожиданна и забавна, что я невольно ещё долго смеялся, её вспоминая. Это были зайцы, чаявшие бесплатного проезда в нашем поезде.

Теперь роль этих зайцев приходилось разыгрывать нам. Попасть в чешский эшелон, даже на тормозную площадку, русскому было труднее, чем в царство небесное, а других поездов не было. Поэтому, узнав окольными путями, который из эшелонов должен первым двинуться со станции, мы избирали соответствующую позицию. Если было не очень холодно, мы складывали свои манатки где-нибудь в укромном уголку, а сами с невинным видом прогуливались около поезда в ожидании сигнала к его отправлению. Если же бывало зверски холодно, а это бывало почти всё время, забирались в ближайшее отапливаемое помещение — будку стрелочника или водогрейку — и там ожидали отправления. Как только поезд трогался, мы стремглав летели к нему, хватались за что ни попало и, держа в одной руке свои пожитки, другой карабкались или на тендер, или на углярку (в каждом чешском эшелоне шел вагон с углем), или на крышу американского вагона, как будто нарочно приспособленного для подобного рода пассажиров.

В ночь с 3-го на 4-е февраля выехали мы из Зимы и только 8-го вечером прибыли в Иннокентьевскую, т[о] е[сть] пять долгих суток, и при том на зверском морозе ехали мы этот злополучный участок. Несколько перегонов ехали мы в углярке одного чешского эшелона, где в конечном счёте к нам уже настолько привыкли, что не ставили препятствий к посадке, и нам не приходилось прибегать к заячьему приёму. Скверно было только одно, помимо, конечно, холода, что углярка была рядом с паровозом, и на ходу нас засыпало сажей и искрами, прожигавшими одежду. После этого нам посчастливилось попасть в румынский интендантский поезд. Здесь нас, хотя и не пустили в теплушки, но по крайности не были враждебно настроены, и мы, с разрешения начальства, устроились на гружёной сеном платформе. Это

¹ И. А. Молчанов после окончания реального училища побывал в Германии, Италии, Франции, Австрии, учился во Фрайбергской горной академии.

было, пожалуй, наиболее комфортабельное перемещение за всю дорогу. Выкопав нору в сене, мы забирались в неё с головой и ногами, вход закрывали Юркиным дождевиком или просто клочками сена и могли спать там, не боясь ознобить ноги. В сене ехали мы около двух суток и немного отдохнули за это время, но на одной кормёжке, когда мы расположились по-человечески пообедать у одного железнодорожного служащего, наше сено уехало, и нам снова пришлось биться на перекладных.

Один перегон ночью, я не помню между какими станциями, по знакомству, нам удалось даже попасть внутрь паровоза, но такое счастье было, конечно, исключением. Из Половины в Батарейную нам пришлось ехать снаружи на паровозе, «как любят ездить американские миллиардеры», и, признаться, я несколько не завидовал им. Было несколько ниже 30°R, что в связи с резким, пронизывающим ветром, особенно сильным по долинам р[ек] Белой и Китоя, не доставляло ровно никакого удовольствия. Юрий, чтоб сохранить свой нос, — он у него был особенно слаб к морозу, — уткнулся им в теплую обшивку паровоза, накрыв голову широченной пелериной своего дождевика, но, увы, это не помогло делу. Острый ветер то и дело срывал пелерину с головы и, пока он снова успевал закутываться, либо щёки, либо нос были уже белыми. Кажется, раз пять или шесть он ознобился на этом перегоне.

Спали мы в течение этих пяти суток где попало и как попало: то в будках стрелочников в ожидании первого поезда, то останавливались специально для этого у кого-нибудь из железнодорожных служащих, когда становилось невтерпёж. Ели тоже где и что придется, то молоко, то консервы, то просто корочку мёрзлого хлеба. Главный недостаток мы испытывали в хлебе, который от железнодорожных служащих нельзя было достать ни за какие деньги: они сами нуждались в нём. В Батарейной ребятам удалось купить несколько банок консервов и две пары бурковых сапог у чехов, разграбивших казённые интендантские склады. Наши запасы опять пополнились, что очень пригодилось в дальнейших переходах в Забайкалье.

8-го к вечеру добрались мы до Иннокентьевской, причем последние пять-шесть вёрст сделали пешком. Что там творилось в этот момент, не поддается описанию. Иркутск не был взят, несмотря на неоднократные попытки. Красные успели укрепиться в предместьях и приготовились к решительной обороне города. Образовалась пробка. Движение как чешских эшелонов, так и наших войск остановилось. Весь этот стремительный людской поток, встретив неожиданное препятствие на своем пути, поднялся грозной бурлящей волной и затопил окрестности. Посёлок буквально кипел войсками, мирные жители точно вымерли. Кроме солдат никого нельзя было встретить ни в домах, ни на улицах. Поселковые лавчонки разнесли и из них тащили кто что мог. Голодные солдаты группами бродили по посёлку в поисках чего-нибудь съестного. Офицеры, если сами не участвовали в этих походах, то не хотели, а, пожалуй, и не могли предотвратить их. Слишком уж это носило стихийный характер. Уцелели только железнодорожные служащие.

У них не было даже постоя, несомненно, благодаря покровительству чехов, которые старательно избегали ссориться и даже заигрывали с ними, только бы не встретить с их стороны препятствий в своём движении на восток. Но и у ж[елезной] д[ороги] царил паника в ожидании предстоявшего боя и бомбардировки станций. Носились слухи о совместной с чехами атаке города, которые потом не оправдались.

Достать ничего на вокзале, конечно, было нельзя. Приткнуться нам было тоже некуда. Случайно у меня оказалось знакомство с начальником участка ещё с прошлого года. Волей-неволей пришлось отправиться к нему просить приюта. Приняли нас там хотя и не очень радостно, но всё же приютили и накормили. Вечером открылась пальба по городу, — это наши части нащупывали позиции противника. 9-го с утра ребята отправились выяснять положение. Оказалось, что наше командование отказалось от мысли занять город. Чтобы взять город во что бы то ни стало, потребовалось бы затратить массу энергии и положить много людей, да и то трудно было рассчитывать на успех, имея в виду усталость и падение дисциплины утомлённых небывалым походом войск, между тем, овчинка не стоила выделки. Войска наши двигались походным порядком на подводах, поэтому занятие Иркутска для них не являлось необходимостью. Чехам тоже не было смысла затевать бой с большевиками, тем более что Иркутск согласился пропустить чешские эшелоны, хотя и не более 4-х поездов в сутки, при условии самого строгого контроля людского состава.

Ехать ж[елезной] д[орогой] нам, следовательно, не представлялось возможным. Необходимо было присоединиться к какой-нибудь части во что бы то ни стало. Наши отыскали штаб Воткинской дивизии и были зачислены в ряды в качестве добровольцев, записав также и меня. Так совершилось наше вступление в ряды Добровольческой армии, а вместе с тем и на «Чёртовы качели», с которых, кажется, нет иного выхода, как об землю головой.

В тени косматой ели
Над сонною рекой
Качает чёрт качели
Корявою рукой.
Качает и смеётся —
Вперёд, назад,
Вперёд, назад,
Доска скрипит и гнется.
О сук тяжёлый трется
Натянутый канат.
В тени косматой ели
Хохочет голубой:
«Попался на качели, —
Качайся, чёрт с тобой».¹

¹ Из стихотворения Ф. Сологуба «Чертовы качели»

Один, как видишь, докачался — теперь очередь за нами с Юрием. (Николай¹ умер от тифа).

Много воды утекло уже с тех пор, много за это время было прожито и пережито, но и до сих пор я ещё не разобрался в тех чувствах, с которыми я шёл вступать в Воткинский полк. Смутные это были чувства, хотя едва ли смог бы сказать почему. Предубеждения против них у меня не было, да и не могло быть. Скорее наоборот, поскольку мне приходилось слышать о них, я должен был считать их за испытанных и стойких борцов, не сложивших оружия, несмотря на все превратности судьбы. Перспектива попасть в их среду могла бы казаться скорее заманчивой, чем печальной. Но какое-то странное предчувствие, мрачное и тяжёлое, сжимало мне грудь, когда мы отправились записываться. Именно предчувствие, ибо, как я ни анализирую теперь все мои переживания, я не могу подобрать иного определения этому томительному и тревожному чувству. И это предчувствие не обмануло меня.

Первые впечатления не рассеяли и не ослабили этого предчувствия. Люди без различия пола и положения были буквально набиты в жалких лачугах посёлка Иннокентьевского, причем многие были в горячечном тифозном бреду и валялись на полу попеременно со здоровыми. Уже одно это не предвещало ничего хорошего. В два часа 9-го февраля вступили мы в ряды воткинцев, а в пять часов получилась уже команда «вытягиваться». И вот из всех дворов и закоулков посёлка потянулись подводы, группируясь поротно. Мы все трое были зачислены в 1-ю роту, и нам только сказали: «Ну, теперь ищите себе место». Но это было далеко не так просто. Здесь оказывается тяжело нагружено, там лошади худые и везут больного, если встанут, будет совсем плохо, ещё дальше едет и без того трое на одной лошади и т. д., одним словом, места нет. Двоим из нас ещё кое-как удалось пристроиться, хотя и не без вмешательства ротного командира, третьему же решительно не находилось места. Случилась по счастью какая-то задержка. Пока мы с Колей обсуждали создавшееся положение, Юрий исчез куда-то, и минут через десять, когда обоз уже двинулся, и мы уже начинали беспокоиться, как бы он не отстал, Юрий появился уже верхом на только что купленном коне. Счастливый случай помог нам и тут.

Наша рота, как первая рота Егерского батальона, оказалась во главе колонны, непосредственно за Конным эскадроном и штабом. Длинная чёрная лента обоза, как гигантская змея, тронулась далеко за нами, и хвост её ещё не вышел из посёлка, когда мы, миновав переезд и длинный пологий скат, выехали на Иркут и круто под прямым углом завернули вверх по нему. В быстро наступающих зимних сумерках поползла эта гигантская змея, извиваясь и поблёскивая огоньками зажигаемых папирос, сначала вверх по Иркуту через четыре сонных взбудораженных нашим появлением деревушки,

¹ Спутник И. А. Молчанова Николай Владимирович Молчанов умер от тифа в 1920 г.

потом в гору правого склона, в густой тёмный лес. Дорога сначала торная, хорошо накатанная, превратилась мало-помалу в узенькую лесную дорожку, а затем исчезла совершенно. Но это не остановило гигантскую змею. Пробиваясь то через девственную тайгу, то попадая на случайные просеки и тропинки, то снова забираясь в почти непроходимые трупобы, продолжала она свое почти стихийное движение на восток, и только задумчивый лес со снежными шапками на черных деревьях-великанах да яркие звезды, мерцавшие в ясном морозном воздухе, были молчаливыми свидетелями её движения.

Впрочем, мы не были первыми, проложившими путь через эту тайгу. Впереди нас прошла колонна третьей Иркутской дивизии. Кое-где попадались потерпевшие аварию сани, а на второй половине пути стали встречаться и брошенные лошади, бродившие, как привидения, около тех мест, где они были оставлены, не имея сил выбраться к жилью. Эти знаки, оставленные помимо воли впереди шедшей колонны, служили нам путеводными вехами. Но их было не так уж и много, и мы несколько раз сбивались с пути при пересечении мелких лесных дорожек, служащих для вывоза леса к Иркутску.

Только к 10-ти часам утра добрались мы, наконец, до Михалёва. И люди, и лошади были порядком утомлены этим длинным ночным переходом по тайге почти без дорог и почти все время быстрым форсированным маршем. Нужно думать, что мы сделали не меньше 60–70 вёрст, двигаясь непрерывно в течение 15-ти часов. Только одна маленькая остановка была у зимовья угольщиков, где в продолжении 2-х часов дали передохнуть лошадям, да и люди могли немного отогреться. Но и здесь, в Михалёво, отдыхать было нельзя. Враждебный Иркутск был ещё слишком близко. Едва попив чаю, — для варки пищи не было времени, — и покормив лошадей соломой, ибо больше ничего для них достать было нельзя, т[ак] к[ак] Михалёво было уже объедено впереди шедшей колонной, скомандовали «вытягиваться», и змея со скрипом и свистом вновь поползла к востоку. Днём ехать было веселее, да и дорога по Ангаре была много легче, но лошади бежали невесело, и невольно вкрадывалось сомнение за благополучный исход путешествия. Нам уже пришлось сделать перепряжку в Михалёве. Одна из пары лошадей, на которой ехал я с солдатом, устала. Пришлось заменить её лошастью Юрия, и т[аким] о[бразом] мы с ним оказались на одной подводе, на которую теперь, благодаря собственной лошади, имели полное право, чем дальше, тем больше укреплявшееся давностью.

Несколько деревень больших и богатых миновали мы по берегу Ангары до Байкала, но надежды наши заночевать в какой-нибудь из них, покормить лошадей и отдохнуть, не оправдались. Из Михалёва выехали мы около полудня, но вот опять солнце село за скалистыми склонами прибайкальских гольцов, а мы всё едем и едем. С Байкала потянул резкий холодный ветер. Дорога стала гористой и песчаной, т[ак] к[ак] ехать по Ангаре было нельзя. Она в этом месте не замерзает. Дорога проходит по песчаным увалам правого её берега. Лошади стали заметно сдавать. То и дело происходят остановки

для перепряжки лошадей. Вот одна из впереди идущих подвод стала — лошадь не может идти дальше. Происходит минутная остановка, а затем весь поток с неудержимой силой направляется дальше в обход злополучной подводы, предоставляя несчастным пассажирам раздвигаться, как им будет угодно.

Поздно ночью добрались мы, наконец, до Лиственичного. Это большое, вытянувшееся на несколько вёрст по берегу Байкала село, было сплошь забито проходящими войсками. Приткнуться буквально некуда. Большая улица (едва ли не единственная во всем селе), забита подводами в три ряда. К довершению несчастья, порядок следования колонны, благодаря многочисленным и частым остановкам и последующим подтягиваниям, нарушился, и мы, — да и не одни мы, — потеряли свою часть. Пришлось в этой сутолоке и неразберихе отыскивать район расположения своей части самим, и только к 4-м часам утра 11-го добрались мы до отведенной нашей роте квартиры — в конторе Байкальского пароходства.

Две бессонных ночи и непрерывная езда в течение полутора суток давали себя чувствовать, но прежде было необходимо позаботиться о лошадях. Предстоял ещё громадный переход через Байкал. Выдержат ли наши орлы это испытание? Здесь в ледяной пустыне Байкала этот вопрос вставал с такой же острой настойчивостью, как и в жгучих песках Аравии, где гибель коня влечет и неминуемую гибель всадника. Нам посчастливилось найти в из одном сараев пароходства немного сена для своих лошадей, и через какие-нибудь полчаса мы со спокойным сердцем храпели на лавках и столах в тесной конторе пароходства.

В Лиственичном дали отдохнуть сутки. В 2 часа ночи на 12-е мы выступили из Лиственичного сначала вдоль берега Байкала на Голоустное с тем, чтобы оттуда по прямой линии пересечь Байкал на Мысовую. Как я уже успел упомянуть, нам посчастливилось достать сена в Лиственичном для своих лошадей, но, по-видимому, не всем выпало на долю такое счастье. Лошади же были подорваны предыдущими полуторасуточными переходами и, если не сумели или не смогли покормить лошадей в Лиственичной, они неминуемо должны были погибнуть.

Дорога по гладкому ровному льду Байкала была бы идеальна, если б не сильный встречный ветер. Под действием этого ветра некованные или плохо кованные лошади едва могли идти даже под всадниками, а упряжка, как бы она ни была незначительна, парусила ещё больше. На протяжении 40-ка вёрст от Лиственичного до Голоустной я насчитал 78 брошенных и павших лошадей, т. е. почти 2 на версту, а мы ещё шли в голове 2-й колонны. Дальнейший переход от Голоустной на Мысовую был ещё более убийственным. В Голоустном мы простояли всего часа три. В этой маленькой рыбацкой деревушке нам едва удалось добыть несколько клочков сена для лошадей. Сильный с утра с[еверо]-в[осточный] ветер (Баргузин) крепчал с часу на час, и к полудню превратился в настоящую бурю, при этом снега не было,

но снежная пыль, или, вернее, какая-то серая непроглядная мгла, нависла в воздухе, как вуаль, стирая контуры гор и мешая различать предметы даже вблизи.

На Байкале снега тоже не было: сильный ветер давно уже вымел его начисто, и по гладкому, как зеркало, прибрежному льду лишь едва намечалась слегка протоптанная дорожка, не дававшая никакого упора ногам плохо кованых лошадей. А ветер крепчал и крепчал. Теперь при пересечении Байкала он был нам вполоборота навстречу с левой стороны. Сани буквально срывало с дороги и как флюгер поворачивало в лоб навстречу ветру, причем лошадей часто совершенно сбивало с ног оглоблями. Бедные лошади могли с трудом удерживаться на дороге и вынуждены были двигаться как-то боком, приспособляясь к необычному положению саней.

Нечего и говорить, что ветер этот проникал во все швы и поры одежды, пробегал холодными струйками по спине и леденил, казалось, не только тело, но и душу. Один из впереди едущих, укрываясь от холодного ветра, привстал, чтобы накинуть на плечи меховое одеяло. Но едва он развернул одеяло, как беднягу сбросило ветром с саней и покатило по скользкому льду вместе с его злополучным одеялом. Спутник его, желая помочь товарищу, выскочил было из саней, но едва он ступил на чистый лед, как его сбilo с ног, и он ползком едва выбрался на дорогу. Каково была дальнейшая судьба человека с одеялом, — выяснить не удалось. Мы видели только, что с каждой попыткой несчастного справиться и выбраться на дорогу, его уносило всё дальше и дальше. Стремительный живой поток быстро увлёл нас от этого злополучного места, и несчастный человек с одеялом и ожидающая его подвода скоро потонули в серой мгле наступающих сумерек.

Короткий зимний день погас раньше, чем успели проехать десяток вёрст от берега. Скоро всё потонуло во мраке, без единого маячащего где-либо огонька, без одной звёздочки на небе. Только необозримая ледяная пустыня кругом как бы придвинулась ближе, угрожая поглотить нас, и приняла зловещий и мрачный матово-серый оттенок. Юрий зарылся с ногами и головой в жалкие остатки соломы на дне нашего короба и дрожал, как в лихорадке. Третий наш спутник — солдат Трофим Перевозчиков — то бежал около саней, придерживаясь за них рукою, чтобы не унесло, то забивался носом в солону. Я должен был править. Полуоборотный встречный ветер резал глаза, вызывая на них слезы, которые тотчас же застывали капельками на ресницах и смыкали глаза. Всё время приходилось оттаивать то один, то другой глаз. За этим занятием я совершенно не заметил, как ознобил висок, бровь и переносье в виде полосы, шириной в палец. Это, кроме глаз, было единственным обнаженным местом между воротником и папайой. Знак этот остаётся и поныне в виде грязных пятен на лице и останется, вероятно, до могилы.

Но больше всего доставалось, конечно, лошадям. Бедные измученные животные гибли десятками. Более 120-ти павших и брошенных лошадей насчитал я, пока не сбился со счёта, а ещё ни одного огонька не было видно

впереди, и по времени мы успели сделать лишь немного больше половины пути. По позднейшим данным при переходе через Байкал погибло больше 1000 лошадей, и в этом нет ничего невероятного. Эти брошенные лошади были единственными вехами, указывавшими путь отставшим или оторвавшимся от общей цепочки обоза. И чем дальше мы подвигались, тем чаще и чаще попадались эти вехи. Сначала они попадались поодиночке изредка, потом чем дальше, тем чаще, наконец, группами по 3–5–6 и даже десять голов разом. Иные в предсмертной агонии валялись на самой дороге и уже не в силах были реагировать на удары, набегавших на них саней. Другие силились приподняться, но после немногих тщетных попыток вытягивались на скользком льду, безропотно ожидая своей участи. Только немногие из них, ещё не окончательно выбившиеся из сил, оправлялись и, передохнув немного, уныло брели вслед за обозом, как привидения или какие-то мрачные порождения байкальской мглы. Ты можешь представить себе сама, какие мрачные мысли навевались этой гнетущей картиной.

Глубокой ночью пришли мы в Мысовую, сделав опять почти непрерывный суточный переход через 100-вёрстную ледяную пустыню, и потери этого перехода оказались более ощутительными. Несколько человек тифозно-больных умерло на этом пути. Несколько человек пропало без вести. Несколько десятков серьезно познобили конечности, и мы потеряли чуть не $\frac{1}{4}$ конского состава. И если ещё можно чему-нибудь удивляться, так разве только выносливости сибирского коня.

МЫСОВАЯ. «НЕТ ХЛЕБА, НЕТ МЯСА»

С переездом через Байкал мы вышли из соприкосновения с противником, и могли бы получить вожаденный отдых после этого небывалого в истории перехода, но Мысовая была мало пригодна для этого. Как всё Прибайкалье, Мысовая питается исключительно привозным хлебом, поэтому её население уже давно питалось впроголодь и, конечно, об излишках и запасах нечего было и думать. Ни хлеба, ни сена достать было совершенно невозможно. В течение полуторасуточной днёвки мы питались исключительно мороженой ягодой, а лошадей кормили полученной соломой и жалкими клочками сена, выхваченными где-нибудь из-под спуда у местных жителей. На вокзале были расклеены обширные плакаты — приветствие атамана Семёнова доблестным кашпелевским войскам с обещанием мирного приюта и гостеприимства в счастливой Аркадии Семёновского Забайкалья, но, увы, к хорошим словам «добро пожаловать» доблестный атаман не догадался прибавить ничего более существенного для истомлённых небывалым походом войск генерала Кашеля. Немудрено потому, что всё, что можно было обнаружить во дворах и амбарах бедных мысовичей из фуража и продовольствия, — безжалостно отбиралось и съедалось этой тучей голодной саранчи, свалившейся так неожиданно на голову из-за Байкала.

Впрочем, Мысовая не была исключением. Почти для всех деревень, по которым нам приходилось проходить, мы являлись бичом Божиим. Да это

и не могло быть иначе. Пала лошадь — необходима замена. В лучшем случае несчастному владельцу уплачивается небольшая сумма «по соглашению». Но кто же согласится продать лошадь, прокормив её до весны, на «сибирки», на которые ничего не купишь, и которые с каждым днем падают всё ниже и ниже. Ясно, что сделка пахнет насилием. В худшем случае дело происходило ещё преступнее. Так же обстояло дело с приобретением фуража, мяса и хлеба. И если смотреть объективно, то нельзя обвинять войска, ибо перед ними стояла одна дилемма: или деликатничать и погибнуть, или упелеть самим пеной благосостояния нескольких деревень, случайно оказавшихся на пути. Очевидно, выбирать было не из чего. С одной стороны ставилось благосостояние, с другой — собственная шкура.

Частная коллекция И. О. Собенниковой. Машинописная копия.

М. В. Михеев, Г. Н. Шумкин

ВОПРОС ОБ ОБЬ-УРАЛО-БЕЛОМОРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ, В СВЯЗИ С НОВЫМИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМИ ПОСЛЕДНЕГО ВРЕМЕНИ

Вторая половина XIX — начало XX вв. стали временем активного железнодорожного строительства. Железные дороги соединяли разрозненные регионы страны в единое пространство, связывали их с политическим и экономическим центром, с морскими портами, с границей, создавали условия для эксплуатации прежде «втуне лежавших» богатейших природных ресурсов, а также организации новых производств, задавали направление хозяйственного развития. В это время железная дорога стала маркером экономического развития — густота железных дорог (их протяженность на одну квадратную версту) стала столь же значимым показателем, как и объемы выплавки чугуна и добычи каменного угля на душу населения.

Одним из стратегически важных направлений строительства железных дорог было соединение Архангельска с Уралом или бассейном р. Обь. Существовавший с конца XIX в. путь из Сибири к Белому морю, организованный специально для того, чтобы исключить конкуренцию сибирского хлеба в Европейской России с хлебом местных производителей, направив его напрямую в Европу, был достаточно сложен. По Транссибу сибирские продукты